

Р
А95



ПТЯКО.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
Н. АХШАРУМОВОЙ.

УДОСТОЕНЪ ПРЕМИИ
ПЕТРОГРАДСКАГО
ФРЕБЕЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА.

— ○ —
СЪ РИСУНКЪМИ.

ДЕВЯТОЕ ИЗДАНИЕ.

— ○ —
Въ предыд. издан. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. книга внесена въ каталогъ
ученич. библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также и въ бесплатныя
народныя читальни.

МОСКВА.
ИЗДАНИЕ
А. Д. СТУПИНА.

ГНѢДКО.

I.



Здравствуй, Вася!—
воскликнулъ малень-
кій Леша, схвативъ
за рукавъ рубашки
крестьянскаго мальчика, подошедшаго
къ нему съ корзинкою въ рукахъ.

Вася отдернулъ рукавъ и, низко кланяясь, началъ говорить что-то, но на первомъ же словѣ остановился, забывъ, очевидно, затверженную рѣчь; онъ постоялъ молча съ разинутымъ ртомъ и, наконецъ, сунулъ Лешѣ въ руки корзинку съ яйцами.

— На-тко вотъ тебѣ, мать прислала, поздравить наказывала, да я забылъ съ чѣмъ, именинникъ ты, что ли?

Леша засмѣялся. Это былъ день его рожденья, и онъ получилъ много подарковъ. Онъ былъ балованный мальчикъ, единственный сынъ богатыхъ помѣщиковъ, жившихъ по сосѣдству съ деревней Васи. Дѣти были погодки и большіе пріатели. Мать Васи жила до замужества дворовой дѣвушкой на мызѣ, и сына ея любили и ласкали господа. Леша, поставивъ на траву корзинку съ яйцами, потащилъ Васю въ домъ показывать ему свои новыя игрушки. Въ числѣ ихъ

первое мѣсто занимала телѣжка съ лошадкой, такая большая, что въ нее можно было свободно садиться; а лошадка, точно настоящая, вся была покрыта шерстью, съ гривой, сбруей, вожжами и большою дугою; ее можно было запрягать и распрягать, снимать съ нея сбрую и ставить въ конюшню; словомъ, все, до послѣдняго ремешка, было какъ у настоящей лошади. Леша былъ въ восторгѣ и съ гордостью показывалъ игрушку своему пріятелю. Къ его удивленію, Вася оставался равнодушнымъ; Леша даже обидѣлся.

— Что же ты, Вася, развѣ Красавчикъ мой тебѣ не нравится?

Лошадка уже была названа Красавчикомъ, и ей устроено особое стойло у печки.

— Нравится-то нравится,—отвѣчалъ Вася, почесывая въ затылкѣ,—да все жъ онъ конь не заправскій, не живой.

— А у тебя, небось, есть живой?

— Будетъ.

— Какъ будетъ, откуда?

Вася оглянулся и, убѣдившись, что никого нѣтъ въ комнатѣ, кромѣ ихъ двоихъ, рассказалъ барчуку по секрету, что у дяди Власа есть жеребеночекъ, маленькій такой, кругленькій, гнѣденькій, гривка торчкомъ торчитъ, хвостикомъ такъ и машетъ.

— Я каждый день въ поле бѣгаю, глажу его; два раза хлѣбца приносилъ, а онъ, слышь ты, знаетъ меня: такъ и бѣгаетъ за мной, мордой такъ и тычетъ мнѣ въ спину.

— Вѣдь это не твой конь, а Власовъ.

— Будетъ мой.

Леша посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Подарить тебѣ, что ли, дядя Власъ?

— Зачѣмъ дарить, я и самъ куплю.

Два рубля дядя за него хочетъ, обѣщаль поберечь до ярмарки на Успенье.

И Вася сталъ таинственно разсказывать своему пріятелю, какъ онъ копить деньги на жеребенка.

— Рубль, видишь ты, мнѣ тетька твоя, Елена Александровна, на именины подарила; двадцать копеекъ далъ проѣзжій баринъ за то, что я сбѣгалъ ему за телѣжкой; тридцать копеекъ она же накопила мнѣ, тетка твоя, за ягоды, что я вамъ на мызу носилъ, да еще обѣщалась подарить, коли я выучусь писать; вишь, два рубля и наберу къ Успенью.

— Вася, голубчикъ, покажи мнѣ твою лошадку,—сталъ просить Леша,—я тебѣ цѣлый день дамъ съ Красавчикомъ играть: одинъ будешь распрягать и запрягать его.

— Не нужно мнѣ твоего Красавчика запрягать, я и такъ тебѣ своего Гнѣдка покажу, приходи уже въ деревню.

Въ это время вошла въ комнату
тетя Леля, молодая, красивая дѣвушка,
сестра отца Леши, и, обласкавъ дѣтей,
увела ихъ въ столовую.



II.



КС. На другой день Елена Александровна со своимъ племянникомъ пошли гулять и по дорогѣ зашли въ деревню, гдѣ

жилъ Вася. Елена Александровна вошла въ избу навѣстить Аннушку, мать Васи, которая въ послѣднее время все что-то хворала, а Леша и Вася побѣжали въ поле смотрѣть жеребенка. Лошадка была, дѣйствительно, прехорошенькая, она паслась съ матерью въ большомъ загонѣ, бѣгала и прыгала. Увидавъ дѣтей, она подбѣжала къ нимъ, стала тыкать Васю мордой въ плечо. Леша вынулъ изъ кармана кусокъ хлѣба, жеребенокъ тотчасъ же съѣлъ его; потомъ, обнюхавъ пустыя руки мальчика, прижалъ ушки и смѣшными прыжками ускакалъ къ матери, бросился на траву, перевернулся и, вскочивъ, лягая задними ногами, приближалъ опять къ Васѣ за новой порцией.

Дѣти были въ восторгѣ.

— А что, небось, хорошъ мой конекъ?—спросилъ Вася.

— Хорошъ, хорошъ, — отвѣчалъ

Леша, обнимая лошадку за шею и цѣлуя ее.

— Знаешь что, Вася,—сказаль онъ, подумавъ съ минутой,—вѣдь тебѣ все равно, гдѣ играть съ Гнѣдкомъ, я куплю его, а ты приходи ко мнѣ каждый день; мы запрежемъ его вмѣсто Красавчика въ телѣжку.

Но Вася нахмурился.

— Ишь ты какой ловкій, конекъ-то мой, а не твой.

— Какой же онъ твой, когда у тебя и денегъ нѣтъ купить его, а у меня есть, я три рубля дамъ за него дядѣ Власу.

Вася весь вспыхнулъ.

— Не можешь ты купить моего Гнѣдка: онъ мой, мой, ты и не зналъ о немъ, я же тебя привелъ сюда.

Онъ обхватилъ руками лошадку и прижался къ ней. Но Гнѣдко лягнулъ задними ногами и вырвался такъ внезапно, что Вася упалъ на траву и

горько заплакалъ. Леша, у котораго было доброе сердце, подбѣжалъ къ нему и сталъ спрашивать, не ушибся ли онъ? Но Вася сердито оттолкнулъ его.

— Не твое дѣло, ты дурной, хочешь моего конька отнять.

— Какой же онъ твой, коли ты денегъ не заплатилъ за него?

— Мой, мой, я тебѣ его показалъ. Леша тоже разсердился.

— Ты дуракъ, Васька, — сказалъ онъ, — ничего ты не понимаешь.

— А ты уменъ больно, вишь какой умникъ сталъ, чужого коня отнять хочетъ.

Дѣти продолжали спорить. Они, навѣрно, бы подрались, если бы тетя Леля не вышла въ это время изъ избы и не стала звать ихъ. Она тотчасъ же замѣтила, что у дѣтей что-то не ладно, но не могла добиться толку: оба они упорно молчали.

— Васютка, поди сюда, — сказала Аннушка, вышедшая изъ избы провожать господь, — глянь, какую обнову тебѣ барышня принесла!

И она показала новую ситцевую рубашку, которую Елена Александровна сшила для Васи.

— Цѣлуй ручку!

Но мальчикъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ на землю.

— Цѣлуй сейчасъ, чего ты стоишь, какъ пень?

Но Васютка, круто повернувшись, вдругъ бросился бѣжать по деревнѣ и мгновенно исчезъ изъ виду.

— Ахъ, ты, пострѣль! Ну, погоди, достанется тебѣ ужо...

И, простившись съ доброй барышней, Аннушка вернулась въ избу, гдѣ жестокій, порывистый кашель тотчасъ же сталъ душить ее.

А Вася между тѣмъ, пробѣжавъ всю деревню, завернулъ круто въ лѣсъ и,

запыхавшись, добѣжалъ до поляны, гдѣ дядя Власъ косилъ траву.

— Дяденька, а дяденька, — заговорилъ онъ, едва переводя духъ, — Гнѣдка ты отдашь мнѣ?

— Отдамъ, коли деньги заплатишь.

— А барчуку не продавай, смотри.

— Мнѣ-то что, и барчуку продамъ, коли онъ дастъ дороже.

— Дяденька, голубчикъ, не продавай, вѣдь ты обѣщаль мнѣ.

— Ладно, ладно!

Но мальчишка не отставалъ отъ него и ходилъ сзади, всхлипывая и дергая мужика за рубашку. Власу это скоро наскучило.

— Экій, право, какой! Присталъ, — не отлипнетъ! Сказано тебѣ, что за тобой жеребенокъ останется, ну и пошелъ прочь!

Тяжело вздыхая, Вася побрелъ домой.

Три дня не ходилъ онъ на мызу, и сколько ни посылали за нимъ изъ

барскаго дома, не являлся. Леша ску-
чалъ по немъ, но самъ не рѣшался
итти въ деревню помириться со своимъ
товарищемъ. Онъ никакъ не хотѣлъ
признаться, что былъ не правъ передъ
Васей.

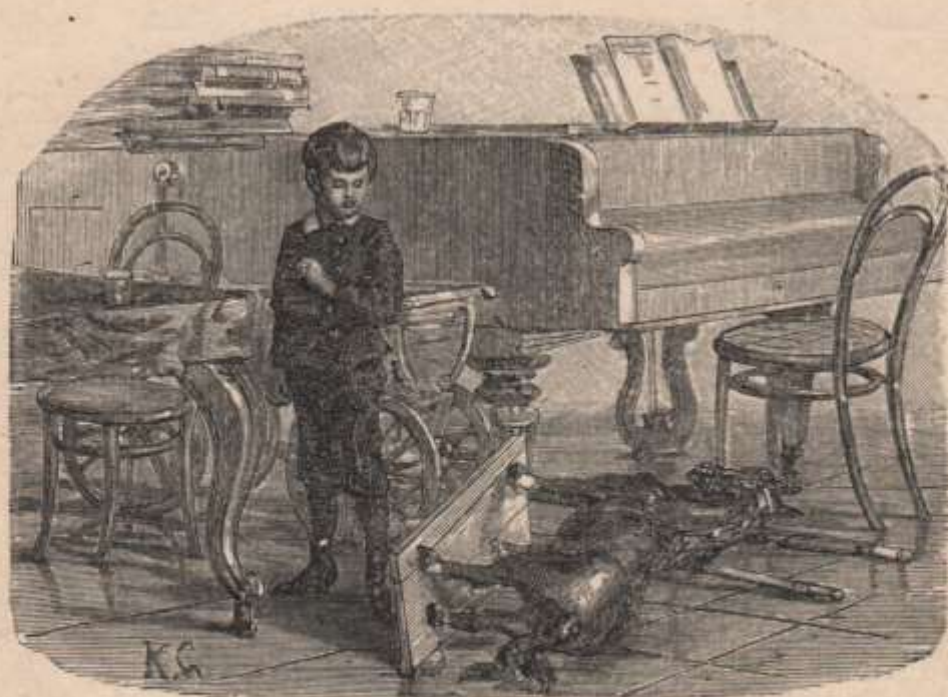
— Вѣдь лошадка не его, — твер-
дилъ онъ самъ себѣ, — а дяди Власа;
вѣдь онъ еще не купилъ ее, и денегъ
у него нѣтъ, а у меня есть деньги,
у тети спрятаны. Какъ же это такъ,
отчего мнѣ не купить, если папа по-
зволить?

Онъ спросилъ у отца и получилъ
тотчасъ же разрѣшеніе.

— Куплю, куплю, — думалъ онъ,
но почему-то все не покупалъ: запла-
канное лицо Васи вмѣстѣ съ мордоч-
кой Гнѣдка снились ему по ночамъ.
Даже Красавчикъ ему совсѣмъ опо-
стылѣлъ.

— Не заправскій конь, не живой! —
повторялъ онъ слова Васи, и такъ

сильно пихнулъ Красавчика ногой,
что лошадка повалилась на полъ и
пролежала цѣлый день въ углу.



III.



азъ какъ-то Вася, про-
буя пустить на прудъ ло-
дочку, сдѣланную изъ про-
бокъ, услышалъ, какъ одна изъ бабъ,
полоскавшихъ бѣлье на плоту, заго-
ворила о немъ.

— Извѣстно, — говорила она, —

Васютку-то не оставятъ господа: и такъ его почти совсѣмъ у себя держать, о немъ тужить нечего, да, кромѣ него, еще четверо, куда дѣваться съ ними?

— Да ты что раскаркалась?—возразила другая баба.—Кашляетъ сильно Аннушка, что говорить, да еще не такъ плохо, чтобы помирать ей,—выходится.

— Толкуй, — продолжала первая баба,—моя невѣста сильнѣе и крѣпче была, да какъ зачала съ весны кашлять, какъ зачала, такъ къ Покрову и схоронили. А кашляла моя Маланья совсѣмъ какъ Аннушка, ни дать, ни взять.

— Жаль бабы, смирная, даромъ что изъ дворовыхъ.

— Какъ не жаль. Помретъ, трудно будетъ Архипу, другой такой не найти, а ребятишки малы еще, мать нужна.

Бабы собрали свое бѣлье и ушли, а Вася, какъ сидѣлъ съ протянутой рукой къ лодочкѣ, привязанной на мо-

чалочкѣ за мачту, такъ и остался сидѣть. Мочалка оборвалась, лодочка уплыла далеко и колыхалась на прудѣ, а онъ все сидѣлъ, будто окаменѣлъ на мѣстѣ. Тихо всталъ онъ, наконецъ, и побрелъ по мокрой тропинкѣ и забылъ даже о своей лодочкѣ.

„Мать его помираетъ! Сильно кашляетъ“. Мысль эта такъ захватила его дѣтскую душу, что онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать, даже о Гнѣдкѣ своемъ забылъ. Какъ разъ въ эту минуту Гнѣдко выскочилъ изъ-за изгороди и побѣжалъ къ нему. Вася потрепалъ его по шеѣ, но прошелъ далѣе; Гнѣдко даже удивился. Подходя къ своей избѣ, Вася еще у порога услышалъ удушливый кашель матери, и кашель этотъ болѣзненно отозвался въ сердцѣ ребенка; вбѣжавъ въ избу, онъ съ плачемъ бросился цѣловать и обнимать мать.

— Чего ты, Васютка, Господь съ

тобой,—говорила Аннушка, лаская его и стараясь успокоить,—обидѣлъ тебя кто?

Но Вася увидѣлъ съ матерью другую бабу, сконфузился и забился въ уголь.

— Ты бы, желанная, — говорила сосѣдка,—звѣробою-травки заварила али чайку попила, оно въ груди-то и полегчаетъ.

— Извѣстно, полегчаетъ, Аринушка,—отвѣчала мать Васи,—да вотъ самоварчика у насъ нѣтъ, въ котелкѣ заваришь,—все не то, да и кипятку не всегда достать, цѣлый день топить печь не будешь.

— А, небось, дорого самоварчикъ стоитъ?—спросила сосѣдка.

— Какъ не дорого,—гдѣ намъ покупать самовары...

— Такъ, такъ, что говорить.

Вася слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, не шевелясь въ своемъ углу. Вдругъ онъ вскочилъ и выбѣ-

жалъ на улицу. Въ припрыжку пу-
стился онъ черезъ поле и скоро очу-
тился у барской усадьбы. Пробрав-
шись въ старый тѣнистый садъ, вы-
смотрѣлъ на скамейкѣ свою барышню
и робко подошелъ къ ней.



IV.



Вася;— сказала Елена Александровна, — гдѣ ты пропадалъ?.. на урокъ даже не являлся, — и она погрозила ему пальцемъ.

Мальчикъ стоялъ передъ нею молча и мялъ шапку въ рукахъ.

— Самоварчикъ на ярмаркѣ купить можно?—вдругъ спросилъ онъ рѣшительно.

— Можно, Вася, а тебѣ на что?

— Матери надо,—сильно кашляетъ.

— Мать прислала тебя ко мнѣ?

— Нѣтъ, я самъ купить хочу.

— Изъ чего же ты купишь,—у тебя и на жеребенка не хватаетъ,— а ты затѣялъ самоваръ покупать.

— Не надо мнѣ жеребенка, самоваръ хочу.

Елена Александровна крайне удивилась. Она знала, какъ Вася любилъ лошадку, какъ онъ копилъ деньги съ весны, и рѣшилась пополнить его кассу, если бѣдному мальчику и не удалось бы самому добыть двухъ рублей до ярмарки.

— Пойдемъ, Вася, посчитаемъ твои деньги, я забыла, сколько ихъ тамъ.

Она увела мальчика въ свою комнату, но потребовала прежде, чтобы онъ взялъ урокъ у нея. Вася плохо учился въ этотъ день, весь измазался чернилами и надѣлалъ множество кляксъ. Тетя Леля сдѣлала ему выговоръ и заставила два раза переписать. Только тогда она отворила ящичекъ и пересчитала богатство Васи. Денегъ оказалось всего рубль шестьдесятъ пять копеекъ, не хватало даже на жеребенка, а самоваръ стоитъ дороже, — объяснила ему барышня. Вася приунылъ и сдѣлалъ такую кислую рожицу, что тетѣ Лелѣ стало жалко его.

— Не горюй, дружокъ, — сказала она, — на - дняхъ я поѣду въ городъ, можетъ-быть, тамъ и найду тебѣ поддержанный. Только смотри, если ужъ ты рѣшился самоваръ купить для матери, то не думай больше о лошаdkѣ, все вмѣстѣ нельзя.

Васѣ стало грустно: гладенькій,

кругленькій Гнѣдко, скачущій по полю, живо представился ему. Но мысль о матери, худой и блѣдной, съ ея кашлемъ, заставила его твердо сказать: „Покупай самоваръ!“ Самоваръ ему представился всесильнымъ средствомъ, и онъ былъ убѣжденъ, что какъ только мама его напьется чаю изъ чудеснаго самоварчика, она тотчасъ же и перестанетъ кашлять, и выздоровѣетъ совсѣмъ. Простившись съ барышней, Вася побѣжалъ въ дѣтскую къ Лешѣ и, просунувъ голову въ дверь, закричалъ ему:

— Покупай, баринъ, Гнѣдка, а то чужимъ достанется.

Леша, сидѣвшій за книгой, вскочилъ и бросился къ двери, но Васи уже и слѣдъ простылъ.

— Что бы это значило?—думалъ Леша.—Какой глупый Вася: то плачетъ о лошаdkѣ, то кричитъ: „покупай Гнѣдка“.

На другой день пріятель его явился, какъ ни въ чемъ не бывало, на урокъ къ тетѣ, а послѣ урока побѣждалъ съ Лешей играть въ садѣ. Они притащили Красавчика съ телѣжкой; Вася сѣлъ съ Тузикомъ, маленькой комнатной собачкой, въ телѣжку, а Леша впрягся въ пристяжку къ Красавчику. Весь этотъ поѣздъ понесся вихремъ по большой аллеѣ, при чемъ пристяжка лихо скакала, нагнувъ голову на сторону, а кучеръ подстегивалъ ее кнутомъ; на поворотѣ, впрочемъ, телѣжка перевернулась, и кучеръ съ сѣдокомъ кубаремъ вылетѣли изъ нея, увлекаая и пристяжку. Дѣти смѣялись, собачонка лаяла, всѣ были въ восторгѣ. Вася и Леша забыли свои горести и недавнюю ссору и были попрежнему друзьями. О Гнѣдкѣ они, какъ будто по общему согласію, не говорили ни слова, и только подъ вечеръ, когда Вася уже уходилъ въ

деревню, Леша не утерпѣлъ и спросилъ его, отчего онъ не хочетъ больше покупать конька, разлюбилъ его развѣ?

— Разлюбилъ! эхъ, ты, глупый, денегъ у меня нѣтъ больше, вотъ что.

— Но вѣдь у тети Лели спрятаны твои деньги!—допытывался Леша.

— Ничего нѣтъ больше у твоей тети.

— Какъ нѣтъ? гдѣ же твои деньги? Вѣдь были онѣ, отняли ихъ у тебя?

— Никто у меня не отнималъ,—отвѣтилъ Вася,—а деньги, гдѣ были, тамъ ихъ нѣтъ.

Съ тѣмъ и ушелъ Вася въ деревню. Леша ничего отъ него не добился, но, замѣтивъ, что Вася шепчется съ тетей, онъ сталъ приставать къ ней, и Елена Александровна рассказала ему о самоварѣ, взявъ слово молчать до времени. Леша почему-то весь вспыхнулъ, Вася показался ему вдругъ ка-

кимъ-то героемъ. Онъ устыдился своего намѣренія перебить у него лошадку и рѣшилъ, что и онъ ни за что не купитъ ея.

Такъ проходило время. Дѣти по-прежнему видѣлись каждый день и играли вмѣстѣ. Вася, впрочемъ, сталъ чаще прежняго отлучаться: онъ усердно ходилъ въ лѣсъ за ягодами и по грибы, а разъ какъ-то пошелъ на охоту съ пріѣзжимъ бариномъ и цѣлый день таскалъ за нимъ сумку по болоту. Ужъ какъ онъ умаялся на этой охотѣ, и рассказать нельзя! Сумка была длинная, тяжелая, болталась ему по ногамъ, онъ вязнулъ, проваливался въ ямы, попадалъ въ воду, иззябъ весь и перемокъ.— Но когда къ вечеру баринъ, вернувшись съ охоты, сказалъ ему: „молодецъ Вася!“ и далъ цѣлый полтинникъ, то мальчикъ, какъ ни усталъ, бросился на мызу, весь грязный и мокрый предсталъ

передъ барышней и съ торжествомъ вручилъ ей заработанный полтинникъ.

—Ай да Вася!— сказала тетя Леля,— теперь у насъ будетъ важный самоваръ.

Она отогрѣла его, попоила чаемъ и даже вымыла ему рожицу. Въ эту ночь Вася спалъ, какъ убитый, а къ утру ему приснился такой большущій самоваръ, что онъ самъ могъ бы въ немъ помѣститься.





ЖС.

аступила ярмарка. Наканунѣ Вася былъ въ хлопотахъ: онъ бѣгалъ на мызу, таскалъ оттуда какіе-то кульки въ свою деревню, опять возвращался на мызу и опять таскалъ кульки. Въ кулькахъ были большой новый самоваръ, чай-

никъ и шесть чашекъ, которые прибавила къ подарку Васи тетя Леля. Въ тайну былъ посвященъ даже Архипъ, отецъ Васи; онъ помогъ ему припрятать все принесенное въ чуланчикъ за клѣтью.

Въ этотъ же день и Леша былъ въ большомъ волненіи: онъ шептался съ тетей, бѣгалъ къ себѣ въ дѣтскую, вынималъ изъ копилки деньги, опять убѣгалъ къ тетѣ и, наконецъ, вмѣстѣ съ нею отправился въ деревню, къ Власу. Вася видѣлъ изъ окна, какъ борода-тый кучеръ провель на мызу Гнѣдка, и глубоко вздохнулъ ему вслѣдъ.

— Прощай, Гнѣдко, — сказалъ онъ громко и подумалъ при этомъ: „счастливый Леша“.

Ярмарка была самая оживленная; она расположилась у ограды церкви. Съ утра валилъ туда народъ, съѣзжались господа, звонили въ колокола съ высокой колокольни.

Въ церковь пришла и Аннушка со своею семьею, въ праздничныхъ нарядахъ, но, оглянувшись, замѣтила, что Васи нѣтъ съ ними: онъ опять исчезъ куда-то. По окончаніи обѣдни, Аннушка купила на ярмаркѣ гостинца дѣтямъ и поспѣшила домой, тревожась о своемъ Васѣ. Но каково было ея удивленіе, когда, войдя въ избу, она увидала накрытый столъ, на столѣ блестящій дымящійся самоваръ, новый чайникъ и чашки, а подъ столомъ Васю, который въ смущеніи не зналъ, куда ему дѣваться.

Какъ велика была радость Аннушки, какъ она вытащила изъ-подъ стола своего Васютку, цѣловала и обнимала его,—мы не станемъ описывать. Въ семьѣ Архипа былъ настоящій праздникъ: всѣ сѣли за столъ пить чай изъ Васиного самовара; но во время самага разгара чая вошла въ избу Елена Александровна и, поздоровавшись

съ Аннушкой и ея мужемъ, расцѣловавъ дѣтей, присѣла на лавку выпить съ ними чашку чаю.

— Вася,—сказала она, какъ будто вспомнивъ что-то,—выйди на улицу, тебя тамъ спрашиваетъ кто-то.

Вася выскочилъ изъ избы и остановился въ изумленіи: у самага порога привязанный къ столбу стоялъ Гнѣдко, вычищенный, нарядный, съ хорошенькой уздечкой на мордочкѣ и съ широкой лентой на шеѣ, къ которой была привязана бумага, а на бумагѣ большими буквами было написано: „Васѣ отъ Леши!“

Не выдержало дѣтское сердце, зарыдалъ бѣдный Вася и повисъ Гнѣдку на шею.

Гнѣдко выросъ и сталъ хорошей лошадыю; онъ былъ не только забавой для Васи, но и работникомъ для всей семьи. Аннушка, несмотря на предсказанія бабъ, перестала кашлять

и скоро поправилась,—неизвѣстно, впрочемъ, отъ самоварчика или отъ порошковъ, прописанныхъ ей докторомъ. Какъ бы то ни было, но она до сихъ поръ жива и пьетъ каждый день чай изъ Васиного самоварчика.



ЩКП-19643

РК-5379